

Голубая кровь

Рассказ

ЕГОРЫЧА В ЧУДИЛОВКЕ не любили. Да и откуда было взяться этой любви, если трезвым его помнили только герой гражданской войны Митрич, да еще несколько стариков. Последующим поколениям встретиться с трезвым Егорычем не удавалось. К тому же, за какой-либо работой его никто никогда не заставлял.

В привычном для себя состоянии седой, лохматый и небритый Егорыч каждое утро, выходя из дома, усаживался на лавочку возле остатков забора и пел. Земляков любитель музыки репертуаром не баловал. В сольную программу входили исключительно матерные частушки. Тексты, не отличающиеся разнообразием, он выучил, читая найденную им тетрадь. находка была сделана на месте развалившегося от ветхости клуба. Напрочь лишенный музыкального слуха, Егорыч сам придумывал музыку к своим произведениям, отчего те были похожи на песни акына. От вокала Егорыча сотрясалась не только Чудиловка, но и стоящая в километре от нее птицеферма. Директор предприятия Ляпин был уверен, что низкие показатели птицефермы напрямую связаны с концертами Егорыча. Но

сколько с ним не пытались беседовать, вечно пьяный певец выступления не прекращал.

Жил он один в родительской избе, а точнее, в своем маленьком мире с большими бутылками самогона и, как отмечали односельчане, «жистью был доволен». Комиссованный по ранению во время войны, Егорыч так и не нашел себе работу. По-правде говоря, он ее не искал. В кармане лежала бумага, благодаря которой статья за тунеядство ему не грозила. Всю жизнь он проживал на деньги своих родителей, а колхозные скотники Егор Ильич и Марья Захаровна души не чаяли в сыне, позволяя ему абсолютно всё. К тридцати годам Егорыч уже не представлял, как можно завтракать, обедать и ужинать без стакана самогонки.

Чудиловка и самогон были такими же неразлучными понятиями, как Ульянов и Ленин. Святых в деревне не было, и пило, практически, всё взрослое население. Вот только «дотянуть» до уровня Егорыча не мог никто. Да, был в Чудиловке дед Гордей, который тоже постоянно прикладывался к бутылке, но вел он себя тихо и никому не досаждал ни песнями, ни плясками. Гнали самогон почти в каждом доме, но всенародно нелюбимый певец за покупкой далеко не ходил: родители всегда держали в погребе мутный и зловонный продукт.

Располагалась деревня в отдаленном живописном уголке Советского Союза. О том, что самогонварение наказывается законом, жители Чудиловки догадывались, поэтому гнали аккуратно, не афишируя своё хобби. К тому же, районная власть показывалась в этих краях крайне редко. Милицию отродясь не вызывали, а если и случались конфликты, то справлялись своими силами.

Когда Егорычу стукнуло шестьдесят, один за другим ушли к своим предкам Егор Ильич и Марья Захаровна. Для любимого сыночка родители накопили денег, и он продолжал жить припеваючи, тратя родительские сбережения на выпивку и нехитрую закуску. Сам Егорыч, в силу своей лени, самогон не гнал. Изделие из свеклы и дрожжей продавали ему все, к кому он обращался с этой просьбой. Сельчане прекрасно знали, что после акта купли-продажи последует концерт, но, боясь остаться без приработка, закрывали на неудобства глаза. Правда, было несколько попыток объявить Егорычу бойкот и не продавать ему самогон. Но каждый раз кто-нибудь не соблюдал соглашение, в результате чего бойкоты проваливались, а веселый и пьяный Егорыч снова и снова приводил в ужас окрестности своим пением.

В тот июльский день, который перевернул сознание сельчан с ног на голову, концерт продолжался уже часа три. К солисту Чудиловки подошла соседка Валька, держащая пустые ведра, и по сложившейся традиции поприветствовала хранителя фольклора словами:

— Когда ж ты, черт непутевый, заткнешься-то? Тудыт твою налево!

По той же традиции Егорыч запел еще громче. Решив не нарушать обычая, Валька смачно сплюнула и пошла в сторону колодца.

Валентина была чуть младше Егорыча, но, как и старшее поколение Чудиловки, искусно скрывала свой интеллект. Порой казалось, что из всего литературного наследия ей была знакома только азбука.

Любитель акапельного пения закончил исполнение частушки про любвеобильного индюка и собрался порадовать население очередным музыкальным шедевром «Полюбило наше стадо удалову пастуха». Но в этот момент, открыв рот, певец уставился на показавшийся в начале улицы иностранный автомобиль. Не доезжая до дома Егорыча метров сто, машина остановилась, и из нее вышел представительный мужчина в черном костюме и белой рубашке. Человек

подошел к ближайшему дому и стал разглядывать полустертую табличку. В этом доме проживал Павел Губкин — молодой инженер, приехавший в Чудиловку по распределению.

Была суббота, и Павел собирался отоспаться. Но после бесполезных обращений к Егорычу с просьбой закрыть рот дипломированный специалист тщетно пытался найти в доме место, куда не проникал бы фольклор. Такого места не нашлось, и молодой человек решил еще раз попробовать обуздать пьяного солиста. В тот момент, когда инженер спустился с крыльца, концерт неожиданно прервался, и Павел заметил незнакомца, стоящего у калитки.

Егорыч увидел, как инженер показывает рукой на его дом и что-то объясняет мужчине. Незнакомец сел в авто. Через несколько секунд машина остановилась напротив покосившегося строения. Из нее вышел тот же обладатель стильной одежды, а с ним еще двое, не менее солидных мужчин. Наблюдавшая за происходящим Валька так и не дошла до колодца и решила вернуться с одной целью — понять, что всё это значит. Она приблизилась вплотную к приезжим, которые уже стояли рядом с Егорычем. Одетые с иголки мужчины что-то бурно обсуждали на неизвестном ей языке, а человек, общавшийся ранее с Губкиным, переводил Егорычу на русский всё, что говорили два иностранца. При этом гости показывали чудиловскому запевале нарисованное на большом листе бумаги дерево.

Разговор между представителями интеллигенции и представителем нетрудового народа продолжался минут тридцать, после чего Егорыч сел в автомобиль и куда-то уехал со своими новыми знакомыми.

Свидетельница беседы Валька бросила ведра и со всех ног побежала к сельмагу, где в это время обычно было много народу.

— Ой, бабоньки! Ой, мужики! — заголосила Валька. — Певец-то наш недоношенный... Егорыч-то...

— Что?.. Что с Егорычем? — слышались вопросы из очереди.

— Егорыч-то наш, знаете, кто? Прынц он заморский, тудыт твою налево, — выпалила Валька.

— Рехнулась ты, что ли, Валентина? — поинтересовалась продавщица Дуся.

— Ой, бабоньки, — не унималась Валька, — я дерево видела, это, как его, гине... гине... гинекологическое. Точно — прынц Егорыч.

— Кажется, Валентина умом поехала, — сделал смелое предположение ветеран трех войн Митрич.

Вальку окружили односельчане, превратив очередь в хоровод, в центре которого стояла обезумевшая женщина.

— Тетя Валя, — обратилась к ней десятилетняя праправнучка Митрича, — В нашей стране нету ни принцев, ни королей. У нас товарищ Горбачев самый главный.

В хороводе стало тихо. Собравшиеся в магазине люди стали понимать, что Вальке светит либо дурдом, либо политическая статья. Кто-то из сельчан протянул Валентине бутылку с водой. Валька выпила из горлышка все содержимое емкости, после чего выпалила:

— Да не трёхнутая я!

— Тады толком объясни, чё случилось! — прикрикнул на раскрасневшуюся бабу Митрич.

— Так слушайте, чаво я вам скажу, — почти басом произнесла Валька.

Из повествования нетрехнутой Вали односельчане узнали следующее: приехавшие к Егорычу «городские тилигенты» рассказали ему, что «в какой-то стране с неприличным названием» стали переписывать потомков «ихнего короля, который помер черте сколько лет назад». Нашли всех, кроме одного. И вдруг выяснилось, что недостающий потомок — это Егорыч. По словам Вальки, «евонная бабка еще до революции снюхалась с каким-то заморским не то траташе, не то атнаше. А потом бабку Егорыча увел у него буржуйский прынци, который приезжал в царскую Россию.... А опосля у бабки родилась дочурка Мари. Так вот эта самая Мари и была мамкой Егорыча».

— Я не поняла, — орала, Валька, — чё у них тама случилось, но во время революции деваху подобрали красноармейцы. Деваха сказала им, что она сиротка, что звать ее Марьей. Вот солдатики и дали ей отчество «Захаровна», потому как фамилия ихнего командира была «Захаров». А фамилию свою она сама себе придумала... я забыла ужо, какую. И для того она это сделала, чтоб ее не убили за иностранных сродственников».

Валька посмотрела на пустую бутылку и слотнула слюну.

— В общем, так, — сказала Валентина осипшим голосом, — Егорыч — сто пудов — прынци.

— А про какое такое дерево ты, Валюха, говорила? — спросила свою подругу Дуся, покинувшая прилавок и присоединившаяся к народу.

— Гине... гине... короче, на этой дубине нарисованы все прынци и прынцессы. Городской мужик тыкал в ентот чертеж пальцем и говорил Егорычу о его сродственниках. «А тут, — гово-

рил мужик, — ВВ, дорогой Петр Егорыч». А еще документы разные ему показывал.

— Точно, — почему-то обрадовался дед Гордей, повисший на чьем-то плече, — Петром его зовут, ядрёна-бубёна.

— Да погоди ты, старая развалина, — одернул Гордея Митрич, который в 1913-м году был кумом на свадьбе у его родителей. — Дай бабе до-рассказать. Говори, Валюха.

— Вот я и говорю, — с новой силой начала Валька. — Теперь нашего Егорыча посодють на иноземный трон.

— А ты не врешь? — спросила Валентину бабка Аксинья, лицо которой постоянно выражало испуг.

— А на кой ляд мне врать-то! — еще громче заорала свидетельница международной встречи. — Я всё своими собственными ушами слыхала. И дерево видала гени... гени... и документы... — Валька захлюпала носом и подошла к Дусе.

Продавщица обняла трясущуюся подругу, и в магазине ненадолго наступила тишина.

— Да-а-а-а... дела... ядрёна-бубёна, — выдохнул дед Гордей, прижимаясь к спине Павла, который прибежал на крики толпы, — ведь это надо ж было, чтоб такое счастье дурню досталось.

— Дурень — не дурень, а иначе как «Ваше Величество» таперича к ентотой контре недобитой не обратишься, — произнес, глядя в потолок, Митрич.

— Ты серьезно? — повернув к себе лицом раритет Чудиловки, спросила бабка Аксинья.

— А то ж... Какие ж тут шутки, — пробубнил Митрич. — Мы таперича с него должны пушинки сдувать. А то международный катаклизм будя.

— Не нужон нам ентот катаклизм, ядрёна-бубёна, — произнес дед Гордей из-за спины инженера.

— Какой катаклизм? — обратился к деду через плечо Павел Губкин. — Вы что, собираетесь поклоны бить этому пьянчужке? А, вообще-то, — улыбнулся инженер, — не придется вам ползать перед ним. Не останется он в Чудиловке. Его ж теперь, наверняка, в его же королевство поволокут.

— Ой, поскорей бы ужо уволокли, — запримечала до сих пор молчавшая Мироновна. — Пушай буржуйам свои песни поеть, Кобзон хренов.

— Тут может по всякому повернуться, — взял слово настоящий коммунист, бывший комбайнер Антон Иванович Хряк. — Митрич-то и дед

Гордей правильно ситуацию понимают. Вот не поедет Егорыч в свое буржуйское царство, что тогда? А я вам скажу, товарищи. Тогда в нашей Чудиловке будет ихняя резиденция, ну как в Москве посольство.

— Чё ж делать-то тады? — прохрипела Валька.

— Это дело обмозговать надо, — сказал уже далеко не юный ленинец, — тут политический момент.

— Ка-кой еще политический момент, Антон Иванович? — растянуто произнес Павел. — У нас в стране есть генеральный секретарь. Да и партия, как говорится, наш рулевой. Так вы что, еще и перед пьяным буржуем будете пресмыкаться?

— Что значит твоё «еще и...»? — резко спросил инженера Хряк. — Ты думай, что говоришь. А вот уважать принца и исполнять его наказания придется, Паша. Вы поймите, товарищи, — обратился к зашумевшей толпе Антон Иванович. — Раньше-то кем был Егорыч? Дурнем, пьяницей. А теперь он представитель иноземной державы. Чуете, чем может закончиться несогласие с ним?

— Лично я повиноваться ему не собираюсь, — засмеялся Павел и подался вперед, роняя почти лежащего на его спине деда Гордея. — С ума вы, что ль, все посходили?

Дед схватился за Мироновну и неожиданно бодро сказал:

— Посодють тя, Паш, едрё..

— За что? — перебил его молодой инженер.

— Вот ты, Пашенька, сам подумай, — по-отчески обратился к Губкину Антон Иванович Хряк. — Допустим, пошлешь ты Егорыча, то есть, Его Превосходительство, простите бабы, в жопу. А дальше что? А дальше — международный конфликт. А там и до войны недалеко. Чувешь.

Павел сплюнул и вышел из толпы, которая, увеличиваясь, уже не умещалась в стенах сельского магазина и перекочевала на улицу.

— Э-эх, — с досадой произнес молодой инженер, — вам бы Гоголя да Чехова почитать, подхалимы. У них про таких, как вы, много чего написано.

— Во-первых, ежели я не ошибаюсь, они не писали ни про колхозников, ни про коммунистов, — кричал в след Губкину Антон Иванович, — а, во-вторых, хоть ты и ученый, Павел, а все же несозна-а-ательный ты элемент.

— Антон Иванович, — сказала молящим голосом Мироновна. — Что получается-то? Пьян-

чужке ентому, буржую новопеченному будем ножки падать?

— Войны хочешь? — заорал на Мироновну дед Гордей, отстраняясь от нее и пытаясь за кого-нибудь ухватиться. — Нам один хрен, под кем быть, лишь бы поскорее победил коммунизм, ядрёна-бубёна! Коль Егорыч принц — значит, будем принцу бить поклоны! Мы за мир! — выдвинул лозунг дед Гордей и, покачнувшись, ухватился за Митрича.

— А с Егорычем разве построишь коммунизм? — тихо спросила Мироновна.

— Глупая ты баба, — снова взял слово Хряк, — с Егорычем, конечно, коммунизм мы не построим, а вот с принцем, который за советскую власть — запросто.

Логика партийца осталась для всех загадкой, но вопросов больше никто не задавал.

— Всё понятно, — решила подытожить Дуся. — Нам международные обострения и войны не к надобности. Хорошо митинговать, айда в очередь! А то с вашими принцами я про торговлю совсем забыла. Валька, — позвала возмутительницу спокойствия Дуся, — пойдем, водички тебе отпущу. Ежели денег нет, потом занесешь.

Дуся, Валька и еще человек пятнадцать зашли в магазин. Остальные стали расходиться.

— Кровь у него голубая, — бросил в пространство Антон Иванович.

— Чаво у него голубое? — переспросила шедшая рядом бабка Аксиныя, не изменяя испуганного выражения лица.

Хряк не ответил.

— Да нам все едино, — пробурчал догоняющий его дед Гордей, который пытался схватить Хряка за руку. — Коль надо, и голубым услужим. Лишь бы не было войны, да светлое будущее не проехало бы мимо нашей Чудиловки, ядрёна-бубёна.

Люди разошлись кто куда, но каждый знал, что если Егорыч вернется, то любопытство само приведет их к его дому.

Уже к вечеру у лавки, на которой обычно давал концерты Егорыч, остановилась иномарка. Из нее вышел тот же городской мужчина, который днем искал, как потом выяснилось, наследного принца. Человек открыл заднюю дверь, и в ту же секунду из авто показался улыбающийся и, как всегда, пьяный Егорыч. Односельчане, за исключением Павла, оставшегося дома, обступили наследника престола, не зная, как себя вести. Атмосферу разрядил сам потомок королей.

— Гляжу, Валька уже всей деревне растрепала про моё ключение. Чё молчите? Да отрёкся я от ихнего престолу! Там ышо какой-то сродственник хочет свою задницу на трон посадить. Вот пушай и сажает. Чё я не видел в ентом, как его... тьфу, и не выговоришь. Оне ж и песен-то моих разуметь не смогут. Ужась, как иностранцы енти излагаются. Говорят — что блюют. Нет, братцы, я уж здесь свой век доживу. А вот копи-сац... копи-сац... деньги за свое благородничество возьму. И на енти деньги...

— Купите цистерну самогону, Ваше Величество? — перебил нетрезвого принца настоящий коммунист Хряк.

— Не угадал ты, Антоша. Путёвого хлуба в деревне нет. Так пушай будет.

— Неужто, Ваше Высочество, вы нам клуб соорудите?! — завизжала бабка Аксинья всё с тем же, свойственным ей, выражением лица.

Вся деревня тут же забыла и про тунейдство Егорыча, и про бесконечные пьяные концерты.

— Ваше Сиятельство! Ваше Сиятельство! — кричала Дуся.

— А чё, пушай в Чудиловке построят хлуб из кирпича! — орал, счастливый Егорыч, добавляя про себя, — пропью ведь деньги-то, пропью...

— Ой, Ваше Пресох... Ваше Пресох... Ваше Пре-во-сходительство! — с трудом выговорила Валька и бросилась в объятия к наследнику престола. — Да мы ж за вас, мы ж за вас... раскудрит твою... то есть, вашу...

Ее восторженный хриплый голос потонул в океане одобрительных криков.

— ... а в ентом новом хлубе, — продолжал Егорыч, — я буду вам песни петь и ни копеечки ни с кого не возьму. Каждый божий день буду радовать вас.

По мере того, как Егорыч произносил эту фразу, шум утихал, и последние слова благодетель произнес в кромешной тишине.

Паузу нарушил голос Мироновны, держащей под руки подкосившегося деда Гордея:

— Ваше Благородие, а может быть лучше вам поехать в енту, как ее... а?

— Не-е-ет, я здесь родился, здесь и помирать буду. А пока хлуба нет, я вам здесь буду петь. Хотите, спою прямо шас? Тока вы не разбредайтесь.

— Да кто ж посмеет, Ваше Преосвященство, — сладким голосом сказал директор птицефабрики Ляпин, выглядывая из-за ошалевшего от событий Митрича. — Лично я специально приехал на ваш концерт.

— Вот и ладненько, — радостно отреагировал принц. Он встретился взглядом с улыбающимся через силу Антоном Ивановичем и весело скомандовал, — хлопайте, хлопайте в ладоши-то.

Егорыч поудобнее уселся на лавочке и достал из-за пазухи бутылку виски — презент от капиталистов. Выпив граммов триста империалистического зелья, наследный принц прокашлялся и под аплодисменты сельчан запел матерную частушку «Полюбило наше стадо удалову пастуха».